

A black and white, high-angle portrait of a young boy with short hair, wearing a dark suit jacket, a white collared shirt, and a dark tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a plain, light-colored wall. In the bottom left corner, there is a small, dark, rectangular object, possibly a book or a folder.

Алька. Огонёк
Алек Рейн

18+

Алек Рейн
Алька. Огонёк

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рейн А. В.

Алька. Огонёк / А. В. Рейн — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вторая глава книги воспоминаний Алька. Описываемый период охватывает время обучения главного героя с первого по восьмой класс, с 1955 по 1969 год. Первая глава книги под названием "Алька. Двор моего детства" опубликована в ЛитРес.

Была зима 1957 года. Дом, в который мы переезжали, был ещё не достроен, точнее, из его восьми подъездов шесть были полностью построены, отделаны, подключены к коммуникациям, их и заселяли, а в двух последних были не достроены два этажа. Так вот, к пятому подъезду десятиэтажного дома сталинской архитектуры мы и подкатили со двора на машине марки «Победа», солнечным декабрьским днём, имея на руках ордер на заселение в дом 57, корпус 1 по Ярославскому шоссе. Открыв высокую массивную дверь, мы поднялись по лестничному маршу в одиннадцать ступенек к лифту, где с суровым видом на табуретке восседала толстая тётка.

– Вы куда? – строго спросила она. Мама радостно ответила:

– У нас ордер в сто шестьдесят вторую квартиру.

– Идите. – Дальше был такой диалог:

– А на лифте?

– На лифте нельзя, пользоваться не умеете, сломаете.

– Мы умеем, – сказала мама. Тётка безмолвствовала.

Тут мама полезла в сумочку, достала монету в двадцать копеек и вручила лифтьёрше, та встала с табуретки, открыла дверь лифта, запустила нас туда, зашла сама и нажала кнопку номер пять. В подъезде было два лифта, расположенных друг относительно друга со смещением на пол-этажа. Если ты входил с Ярославского шоссе, то попадал в лифт, который привозил тебя прямо на этаж, а если со двора, то садился в лифт, чья площадка была смещена вверх по отношению к площадке входа с Ярославского шоссе на пол-этажа, и поднимался на один лестничный марш ниже или выше нужного тебе этажа. Когда лифт остановился, тётка, открыв нам дверь, буркнула:

– Подниметесь на пол-этажа, – захлопнула дверь и укатила.

Взлетев, на наш этаж, мама подрагивающей рукой открыла дверь и впустила нас вперёд, как запускают котят в новое жильё. Квартира нам понравилась, мы с сестрой впервые видели такие роскошные хоромы с высокими трёхметровыми потолками.

От входа шёл широкий коридор, к которому слева примыкали две отдельные комнаты с огромными двухстворчатыми окнами, в конце, уходящий налево маленький коридорчик, в него выходили двери ванной, туалета и кухни. Венчал всё это великолепие балкон, со входом из кухни. С балкона открывался вид на прекрасный двор, заваленный кучами строительного мусора, но всё же был воздух, свет, перспектива, а не на какой-то там лестничный марш. А мусор, ну что ж мусор, на следующий год достроили дом и убрали мусор.

А через месяц на субботнике, после того как двор привели в порядок, мы все вместе засадили двор саженцами берёз, лип и тополей. Установили детские качели и Гигантские шаги, детский аттракцион – столб с вращающимся колесом наверху, к которому привязано несколько спускающихся до земли канатов. Играющие брались за них и бегали по кругу, центробежная сила отбрасывала от столба, и тогда, если крепко держаться, будешь летать по кругу, отталкиваясь ногами от земли, совершая гигантские шаги. Отсюда и название.

Когда мы через сорок лет решили переехать в Куркино, берёзы были на пару этажей выше нашего балкона. То, что все окна выходили во двор, было большим плюсом, но то, что это плюс, а не минус, мы поняли лет через двадцать, когда в квартирах, глядевших на проспект Мира, перестали открывать форточки. (В 1957 году 1-ю Мещанскую улицу объединили с Троицким шоссе, Большой Алексеевской и Большой Ростокинской улицами, а также частью Ярославского шоссе в единый проспект Мира. Одновременно поменяли и нумерацию домов, и, не покидая стен нашей квартиры, мы переехали с Ярославского шоссе на проспект Мира, в дом 99). Пыль, выхлопные газы проезжающих машин и несмолкаемый в любое время суток гул лишил их такой возможности. А у нас только шум листвы и щебет птиц. Мама быстрыми шагами обошла квартиру, потом завела нас в большую комнату и сказала: «Эта комната наша», – какую-то мелочёвку, которую мы привезли с собой на такси, мы и сложили в этой огромной ком-

нате, площадью семнадцать с половиной квадратных метров. Часа через полтора на грузовике с нашим хилым скарбом прикатила баба Гермина, пройдя по квартире, она зашла в комнату, где мы уже прикидывали, как разместить наши пожитки, и сказала:

– Так ты эту комнату заняла? – в голосе её звучал сарказм, мама с вызовом ответила:

– А ты бы хотела, чтобы я с двумя детьми в маленькой ютилась? – на этом беседа закончилась, и все стали таскать вещи.

Мебель заносили водитель с грузчиком, мама – узлы с бельём и вещами, бабуля обустроивалась у себя в комнате, а мы по одному дежурили внизу у кучи с нашим барахлом или переносили наши школьные учебники и тетрадки, по большей части путаясь под ногами у взрослых. Здесь у нас опять возникла коллизия с лифтёршей: она категорически не позволяла матери возить на лифте вещи, которые вполне входили в лифт. Поначалу вопрос был улажен за рубль, но оказывается, она хотела получать рубль за каждый подъём, что вызвало праведный гнев у мамани. В итоге сговорились где-то рубля за полтора.

Эта липовая лифтёрша морочила нам голову дня три, заставляя платить за каждый подъём, в итоге бабка разузнала, где находится домоуправление, и нанесла туда визит. В домоуправлении, услышав рассказ про корыстную лифтёршу, очень удивились и заявили, что никаких лифтеров у них в штате нет и нас просто дурят. Бабуля вспомнила революционную юность, как свергала клятый царизм, и пошла в атаку на лифтёршу, как на жандармов в Русне в 1905 году, лифтёрша оказалась слабёхонька, при первом залпе бодрым галопом ретировалась домой, забыв прихватить даже собственную табуретку. Оказывается, что до появления нашей бабули эта мнимая, как сейчас бы сказал мой внук лажовая, лифтёрша три месяца дурила мозги половине подъезда, правда, другая половина просто внимания на неё не обращала: подходили, открывали дверь лифта и уезжали. Кстати, она оказалась нашей соседкой из 163-й квартиры, первые полгода проживания она, сталкиваясь с матерью у входа в квартиру, говорила: «У вас, наверное, муж – генерал, такую квартиру вам на четверых дали». В чём-то она была недалека от истины, квартиру дали бабуле с учётом её революционных заслуг и стажа в партии. В те же годы семью из четырёх человек, переезжающих из большого собственного дома, сносимого, в двух трамвайных остановках, по плану реконструкции, мужа с женой и двумя дочерьми, одна из которых через тринадцать лет стала моей женой, поселили в двадцатиметровую комнату двухкомнатной квартиры, чуть большей площади, чем наша с соседями. Вот и получается, если бы не бурная революционная молодость моей бабули, запихнули бы нас в одну комнатку в квартиру с соседями и куковали бы мы там до морковкина заговенья. Однако, с другой стороны, может быть, если бы они не участвовали в этом мутном деле, а сказала бы она своему суженому: «Не ходи никуда, Рихардушка (деда моего, по отцу, звали Рихард), и друзьям скажи, нечего народ мутить, давайте как-нибудь без революций обойдёмся, потихонечку забастовочками всё, что нам надо, вытребуем у батюшки-царя», – может, и побольше в стране квартир было бы, без коммуналок обошлись бы. Да так гадать – последнее дело, было бы, не было бы. Как говорил один мой знакомый парикмахер: «Понт один, беллетристика».

Школа № 287, в которую я начал ходить дня через три, находилась на расстоянии одной трамвайной остановки от нашего дома, пешком где-то минут десять. Всё это пространство было застроено частными деревянными домами, стоящими на невысоком пригорке, который тянулся вдоль трамвайных путей. Рядом с ними шла узенькая асфальтированная дорожка, по которой можно было дойти до нашего учебного заведения, но зимой её не чистили, и удобней было добираться по Большой Марьинской, тоже плотно застроенной деревянными одноэтажными домами. Её тротуары, в отличие от тротуаров проспекта Мира, чистили и летом, и зимой, она была лучше освещена по вечерам. Но вскоре я, как все мои однокашники, предпочёл добираться до школы на трамвае, в это время нас, школяров, там набивалось по двадцать разных возрастов так, что зачастую не закрывалась дверь. Платить никто из нас не помышлял, да нас, собственно, никто и не понуждал.

Таковыми же деревянными домами, местами двухэтажными, была застроена часть проспекта Мира от нашей школы до дома № 89. На противоположной его стороне первая линия домов, практически вся, была многоэтажной, но за ними ты снова попадал в деревянную Москву конца XIX – начала XX-го века, и тянулась она, обтекая редкие каменные строения и заводы, до Сокольников.

В школе у меня появились какие-то новые пионерские функции, смысла которых я уже не помню, большую часть времени на уроках я сидел и обдумывал планы предполагаемых общественных работ или что-либо в этом роде. Как-то раз во время урока, пребывая в своём пионерском раже, я встал, прошёл мимо учительницы, подошёл к одному из одноклассников и стал негромко объяснять, что он должен предпринять в плане подготовки к какому-то грядущему пионерскому мероприятию. Поскольку такие закидоны у меня бывали, никто не обратил внимания, но учительница, задержав меня после уроков, мягко мне выговорила: «Олег! Я прошу тебя, больше так не делай, ты мешаешь мне вести урок. Когда тебе по пионерским делам надо уйти с урока, соберись и уходи потихонечку, не спрашивая меня, а по классу не расхаживай. Договорились?» Я, надо сказать, уже и сам понял, что со стороны это выглядело весьма странно. И делал-то я это просто потому, что я очень увлекающийся человек. На мою успеваемость, впрочем, это не влияло.

С детства у меня присутствует одно не радующее меня свойство – исключительная рассеянность, которой я страдаю и по сию пору. Эта моя особенность иногда изрядно шутит надо мной. Был тогда со мной забавный случай. Мама выходила на работу раньше, чем мы отправлялись в школу, каждый из нас собирался, добирался до школы самостоятельно, в моей памяти не отложилось ни одного случая, чтобы мы шли или ехали в школу вместе с сестрой. Так вот, я собрался на учёбу, оделся и пошлёпал по Большой Марьинской, размышляя о чём-то своём, метров в двадцати от школы я случайно посмотрел на свои ноги и с изумлением увидел на себе вместо школьных полосатые пижамные брюки. Что тут сделаешь? Я развернулся и пошёл домой, чувствуя какое-то мучительное унижение, хотя никто из школьных друзей или одноклассников меня не видел. Мама написала мне какую-то справку, и всё обошлось, но меня это очень прибило. До сих пор, хотя прошло больше шестидесяти лет, мне периодически снится один и тот же сон, в разных вариациях, суть которого в том, что я появляюсь на какой-то встрече или в каком-то присутственном месте одетый частично, то есть на мне рубашка, пиджак, галстук, но брюк или трусов нет и в помине. Бывают варианты, я где-то на отдыхе, на море на мне майка или рубашка поло, но снизу – увы. Причём никто не делает мне никаких замечаний, все делают вид, что ничего экстраординарного не происходит, но я понимаю, что все видят моё плачевное состояние и что это не *comme il faut*.

В детстве я картавил. В своей первой школе то ли из-за того, что все меня знали с первого дня обучения и одноклассники мои привыкли к этому, то ли, может быть, учительница следила за происходящим и как-то умела управлять классом, никто меня не донимал этим моим дефектом речи. Вдобавок бабушка моя Гермина растолковала мне, что вождь наш Владимир Ильич Ленин тоже картавил и что теперь, кто-то хочет сказать, что у вождя были какие-то недостатки? Применяя этот аргумент, я разил наповал в первой своей школе всех, кто только собирался меня подразнить, но в новой он не действовал вообще. Не долбили им ещё в голову заветы Ильича, забыли Лаврентия Пальча их родители. Иными словами, стали меня изрядно допекать в классе этим дефектом моей речи и как-то раз довели до белого каления – примчавшись домой после уроков, я закрылся в ванной, сначала всласть наревелся в одиночку, а потом начал рычать «ы-ы-ы», пытаюсь произнести звук «р-р-р». Сестра перепугалась, стучалась в дверь, но я не отвечал и всё рычал, надсаживал горло. Пришла мать, пыталась меня утешить, но я был уже спокоен, поужинал, опять заперся в ванне и рычал, рычал и рычал. И вдруг ближе к ночи, когда меня стали настойчиво укладывать спать, моё измученное горло капитулировало, зателебунькало и издало длинный рычащий звук «р-р-р-р-р-р-р». Это была победа, я тут же

попытался воспользоваться своим новым умением и произнести какое-нибудь слово, кажется, «здравствуйте», но как положено у меня не получалось. Я или грассировал, или произносил: «Здррррррравствуйте». Мои попытки исправить своё новое произношение проваливались, или так, или никак. Но это было лучше, чем никак. Засыпал я абсолютно счастливым, в предвкушении своего торжества над мучителями. Когда на следующий день в школе ко мне подкатили мои инквизиторы, под предводительством наиболее меня допекающей девчушки по фамилии Стырькина, я гордо им сказал: «Идите на хррррррен, паррррррразиты».

Мы были и очень жестоки, и очень великодушны, пацаны радовались моей маленькой победе над собой больше, чем я.

Во втором классе меня стал угнетать мой гардероб, точнее говоря, моё пальтишко. У матери моей не было времени, а главное, средств, чтобы прилично одевать нас. Ещё перед школой она самостоятельно, как смогла, пошила мне зимнее пальтецо, используя медицинскую вату и какую-то тканюшку, какая попала ей в руки. Пальтишко было весьма тёплое, я к нему привык и на учёбу в Текстильщиках ходил в нём, не ощущая никаких неудобств и тревожных. Но в раздевалке своей новой школы я обратил внимание, что вид моей верхней одежды вызывает у многих недоумение. Приглядевшись, я понял, что по сравнению с одеждой моих одноклассников я одет просто в рубище. Маме я ничего не сказал, но с этого момента стал раздеваться или перед дверями школы, или прямо при входе. Выручили меня законы природы – дети растут быстро, пальтишко стало мне весьма мало, мне купили новое пальто на вырост, оно было непомерно велико, но это по тем временам было нормой. Редко кто мог позволить себе одевать детей, приобретая вещи соответствующих размеров.

У меня стали появляться какие-то приятели. Помню, как-то один из них предложил сходить на авиационную свалку, уверяя, что это классное место. Протопав час с лишком, мы подошли к высокому стальному забору с изрядными дырами, которые позволяли без затруднений проникнуть на территорию. Ландшафт, представший перед нами, поражал. Это было поле с хаотично разбросанными холмами, которые при ближайшем рассмотрении, оказались огромными кучами металлической стружки, кусками обработанных болванок, обрезками труб, стального уголка и различных профилей. Между ними были протоптаны дорожки, но проложены они были не в земле, а в той же стружке. Дальше от забора кучи были поплосче, вокруг них копошились сторбленные фигурки, ворошившие их крючками, пытаясь что-то найти, местами горели костры, вокруг них кружком сидели пацаны. Почти все сидящие были одеты в какие-то многослойные прожжённые лохмотья, в общем, вид у всего этого был фантазмагорическим. Иногда кто-то из копошащихся приносил к костру или ком металлической стружки, или блестящую болванку, их разглядывали, совещались, а затем или клали в костёр, или отвергали. Если положенная в костёр стружка разгоралась ослепительным белым пламенем, тогда туда же закладывали болванку, и, если она тоже начинала гореть, начиналось самое интересное. Двое из сидящих вставали и брали лежащий невдалеке длиннющий шест, скрученный проволокой из двух или трёх жердин, один конец которого был обмотан стальной проволокой, поднимали его вдвоём вертикально, далее один поддерживал шест, а второй разгонял его, стараясь ударить по центру пламени. Все отбегали от костра подальше, в момент удара искры и капли, пылающего магния (а искали и собирали они именно магний) облаком фейерверка разлетались в разные стороны. Иногда расплавленные капли доставали и магнийжогов, тогда ветошь, в которую они были одеты, моментально скидывалась, затапывалась, и они снова ничтоже сумняшеся натягивали её на себя. Один раз посмотреть на это всё было интересно, но самому становиться магнийжогом мне что-то не захотелось, и после ещё одной экскурсии я перестал туда ходить.

Появился у меня приятель, большой любитель и мастер стрелять из рогатки, и я, поелику был не чужд этому занятию, составил ему пару. Смастерил из ветки дерева рогачок, раздобыл хорошую резинку, кусочек кожи, рогатка получилась класс. Для стрельбы мы использо-

вали шарики от шарикоподшипников, которые в большом количестве можно было найти у ворот цеха по демонтажу шарикоподшипников на Большой Марьинской, в двух шагах ходьбы от моего дома. Сначала мы стреляли по всяким банкам и бутылкам в скверах и дворах, но, получив пару раз по шапке от дворников, стали искать другие места. В районе уже потихонечку начали расселять народ из деревянных домов, и мы решили приглядеться к пустующим домам, но получили жёсткий отпор от соседей, обоснованно опасавшихся тоже попасть под наш огонь. Но однажды мой приятель пришёл ко мне и с восторгом поведал, что нашёл большой нежилой барак недалеко от Рижского вокзала, где у нас будет возможность неделю упражняться в своём мастерстве. На следующий день после уроков, нагрузив полные карманы метательными снарядами у цеха, мы выдвинулись к объекту. Подойдя к зданию, я понял, что приятель мой – большой дока в поиске целей для обстрела. Барак был длиной метров сто и имел штук тридцать, если не больше, больших запылённых окон. Никаких признаков жизни не было и в помине, да и кто бы мог там жить? Барак располагался посреди небольшого пустыря, опоясанного нескончаемым количеством железнодорожных путей, дойти до него, не поломав ноги, бесчисленно перешагивая через рельсы, было уже подвигом. При этом периодически проезжали тепловозы, которые таскали за собой по несколько сцепленных вагонов. Мы поняли, что сейчас оттянемся по полной, встали метров в десяти от здания, выбрали два окна посередине барака и договорились, что победит тот, кто первый не оставит в своём окне только пустую оконную раму, и начали. Когда через пару минут самые крупные стёкла были разбиты и наступило время демонстрации точности и умения, выбивая остатки в углах рам, мы вдруг с изумлением увидели, что внутри барака находится большая комната, напоминающая актовъ зал, плотно заставленный стульями, а по этому помещению панически мечутся испуганные люди, прячась от нашего обстрела. Кто-то стулом ножками вперёд выбил оставшуюся часть стекла и стал, используя сиденье стула как прикрытие, изучать обстановку на поле боя. Мы застыли, открыв рты, такого развития событий никому из нас в голову прийти не могло, но тут со стороны одного из торцов здания стали выбегать взрослые здоровенные мужики и бросились за нами. Так я в жизни не бегал, ни до, ни после. Сначала стал выбрасывать из карманов шарики, предполагая, что их изрядный вес снизит мою скорость, но понял, что мне мешают мне длиннющие полы моего нового пальто. Собрав их аж по пояс или, по образному выражению моего друга, «собрав жопу в горсть», я большими прыжками, как кенгуру, помчался прочь от неминуемой расправы. Мы летели, не глядя под ноги, не выбирая дороги, но ни разу не ошиблись и не оступились. Добежав до железнодорожного откоса и оглянувшись, увидели, что наши преследователи только на середине пути. Поняв, что нас не догнать, так как за откосом невдалеке начиналась жилая застройка, они остановились и что-то кричали нам, наверно, добрые напутственные слова.

Появились у меня друзья в нашем дворе. После окончания строительства нашего дома в одном крыле открыли детский кинотеатр «Огонёк», с залом мест на 80-100, небольшим фойе, буфетом и довольно большим вестибюлем кассового холла. Главным достоинством кинотеатра, для нас, пацанов, живущих в этом доме и домах по соседству, было наличие у большого окна вестибюля низкого широкого подоконника, на котором в ряд могло усестся до восьмидесяти человек. Там можно было посидеть, погреться зимой, укрыться от дождя летом, встретиться поболтать с друзьями. В этом вестибюле начали собираться сначала наши дворовые пацаны, потом к ним стали подтягиваться парни с соседних дворов. Вскоре там образовалась устойчивая дворовая компания с лидером по имени Исаак, парнем из еврейской семьи, но это был не тихий еврейский мальчик, который со скрипочкой в футляре пытается проскочить мимо группы дворовых хулиганов, отнюдь. Это, скорее, был Бенья Крик из рассказов Исаака Бабеля. Во дворе его звали Изя. Он был постарше меня года на три или четыре, поэтому близко общаться с ним мне не довелось, но помнится, что парень он был крепкий, решительный, легко ввязывающийся в драку, но не всегда порядочно поступающий с теми, кому он уступал в схватке. Как-то раз мне довелось присутствовать на толковище, в котором наши старшие

избили пацана, отлупившего Изю. Нас мелкоты набралось человек двенадцать, в мордобое мы не участвовали, трое взрослых ребят били одного, но пребывание наше было обязательным, таков был порядок. Такие кодлы тогда существовали почти в каждом дворе многоквартирного дома, у всех были свои названия, как правило, связанные с номером строения или с их какими-то отличительными признаками. Нашу дворовую банду называли Огоньковские по названию кинотеатра, а дом наш называли Огоньком. Когда незнакомые парни меня спрашивали: «Ты откуда?» – я отвечал: «Из Огонька», – это, как правило, вызывало уважение, но могли и навалить, поскольку между дворовыми бригадами бывали партнёрские, дружеские отношения, а могли быть и враждебные, тогда берегись, лучше не попадайся. Компания наша Огоньковская мне как-то не пришлась по сердцу, мы или торчали в Огоньке, или слонялись шайкой по улицам, выискивали одиноких прохожих, парней нашего возраста или чуть старше, подначивали их, вынуждая или бежать, или вступать в драку, или унижаться, чтобы избежать побоев. Но это были избиения, нас-то больше вдесятеро. Изю всей нашей малолетней банды занятие это доставляло удовольствие только двум или трём олигофренам, остальные, включая меня, были не лучше, глядели на это, мужества остановить этот дурдом ни у кого не находилось, при таком раскладе это означало быть битым самому.

Я покинул нашу огоньковскую компанию, что не помешало мне года через четыре прикнуть к другой, более гуманной и менее драчливой, лупить одиноких пешеходов никому в голову не приходило.

Маманя меня со второго класса припахала меня для закупки харчей. За редким исключением, ходил я в магазин, находящийся на расстоянии одной трамвайной остановки от нас, в народе он получил название «Рыбный», очевидно, из-за большого рыбного отдела, но там был и хлеб, и гастрономия. В витринах рыбного отдела были размещены огромные лотки с красной и чёрной икрой, но ажиотажа не наблюдалось. Покупки я складывал в авоську и шкандыбал домой, если был дождь или снег, шлёпал по лужам или снежной каше. По возвращению, купленный батон хлеба покрывался маленькими кляксами грязи, и мать срезала их скальпелем.

Мама много работала, по вечерам для дополнительного заработка ходила по уколам, уставала, если мы огорчали её своим поведением или плохой успеваемостью, она могла и навалить нам или выместить свою досаду и раздражение на нас как-то иначе. Была такая история: однажды огорчённая какими-то нашими проступками мама оделась, встала у дверей и заявила нам: «Всё, пойду и брошусь под трамвай, не могу больше терпеть», – тон её, то, что она одета и уходит навсегда, произвели на нас такое тягостное, гнетущее впечатление, что мы как по команде разревелись, бросились к ней в ноги и стали умолять: «Мамочка, не надо, не уходи, не бросай нас». – Мать была непреклонна, мы валялись у её ног, ревели, слёзы и сопли текли ручьями, держали её, не давая уйти, и вдруг она расхохоталась и сказала: «Да ладно, отпустите меня, мне в поликлинику надо», – выдралась из наших ручонок и ушла.

Прости меня, мама, не в обиду тебе я вспомнил это, просто понимаю теперь, как невыносимо тяжело было тебе растить нас одной, без какой бы то ни было помощи, без возможности устроить личную жизнь.

Маме в те годы ещё не исполнилось и сорока лет, у неё, наверное, были мужчины, она была привлекательной женщиной. Одного из них мы видели, он бывал у нас дома, натирал полы, я тогда решил, что он по профессии полотёр, а может быть, так и было, неважно. В один из его визитов, после окончания работы, он остановился, как будто ожидая чего-то, мама подзвала нас, присела на корточки, обняла нас и сказала: «Дядя Юра теперь будет жить с нами». – Наша реакция с Катькой была одинаковой и мгновенной: не глядя на дядю Юру, мы обхватили маму с двух сторон за шею и заорали: «Мама! Не нужен нам никакой дядя Юра». – Мама прижала нас к себе покрепче, повернулась к бедолаге-полотёру и сказала потухшим голосом: «Юра, дети не хотят». Юра потоптался, ничего не ответил, оделся и ушёл.

Прости нас, мама.

Где-то в классе пятом у меня появился друг Володька, классный парень, крепкий, спокойный, всегда уверенный в себе. Одиночка – редкое явление, все как-то коагулируются группами по двое, по трое или в компании чуть больше, а Володя умудрялся поддерживать ровные дружелюбные отношения со всеми, не задирая никого и не заискивая ни перед кем. Подружились мы не одновременно, постепенно общаясь, обнаружили, что наши взгляды во многом близки, мы одинаково смотрим на многие вещи, у нас был разный темперамент, но это никак не мешало общению. Володька был счастливым человеком: у него был отец. Офицер пожарной службы, ещё у него, как и у меня, была старшая сестра, что тоже помогало возникновению нашей дружбы. Мы любили посплетничать про наших сестёр, придумывали какие-то возможные шкоды в их адрес, которые, впрочем, никогда не были осуществлены. В целом мне очень нравилась наша дружба, он был парень очень невозмутимый, рассудительный, я – более моторный, но тоже, скорее, понятливый, чем бестолковый. Нас ещё связывало одно увлечение: мы оба любили рисовать и записались в ДК завода «Калибр» в художественную студию. Много лет позднее, вспоминая своё детство и размышляя, я понял, что мне тогда были интересны ребята из полных семей, семей, в которых был отец, не изломанный войной, мать и несколько детей. Они были гармоничней и дружелюбней, в них не было истерического нерва.

Ясно, что тогда я об этом не думал, но, когда собрался жениться, а женился я рано, в двадцать с половиной лет, сам себе сказал, что у моего сына или дочери отец будет всегда. Не знаю, может быть, отец я был вполне себе посредственный, но я был с сыном всегда: и в его детстве, и в пору его взросления. Надеюсь, что моё присутствие в его жизни являлось ему нужным и полезным, а для меня важно, что у моего сына отец был. У меня, к сожалению, таковой отсутствовал, формально-то он существовал, но через года три после демобилизации он, как в песне Розенбаума, «пошёл по всей стране, вразнос, весь в бабах и вине» и скрылся из виду на просторах необъятной нашей Родины.

Однажды со мной произошла неприятная история. На занятиях в художественной студии я умудрился разбить гипсовое скульптурное изображение какой-то греческой или римской богини. Первые полгода мы рисовали различные гипсовые шары, цилиндры, конусы и кубы, затем наш педагог приволок нам чучело утки, которому мы тоже уделили месяца два нашей жизни, и как-то раз с торжественным видом он внёс и, водрузив на подставку что-то непонятное, задрапированное плотной тканью, спадающей красивыми складками, ушёл курить, была у него такая слабость, запретив снимать покрывало. Как только он закрыл дверь, я, поскольку шило в моей заднице было, очевидно, самого крупного размера, подошёл к подставке и аккуратно снял накидку с предмета. Это оказалось гипсовое скульптурное изображение обнажённой женской фигуры, почти натуральной величины, ноги которой заканчивались где-то на середине бедра, а руки на середине предплечья, но всё главное присутствовало в наилучшем виде. В зале начался лёгкий ажиотаж, и про мою смелость все забыли. Я, продолжая выпендриваться дальше, встал слева от фигуры, слегка приобнял её и положил руку на правую грудь. Все пацаны загудели от восторга, а девочки – от негодования, но тут в зал вошёл наш педагог, очки его от возмущения сами уползли с глаз на темя. Я в панике рванулся от красавицы вбок, но то ли кисть не хотела отпускать прекрасный предмет, который только что был в её владении, то ли я немного затупил, но богиня чуть крутанулась на подставке и упала набок. В принципе, урон был не так велик – откололась голова. Мне повезло, место, предназначенное для демонстрации всего того, что необходимо для обучения оболтусов вроде меня, было оборудовано подиумом, сколоченным из толстой фанеры, застеленной плотной ковровой тканью. Пол подиума ошутимо пружинил, что и спасло гипсовую фигуру от полного уничтожения. На твёрдом основании она бы разлетелась вдребезги. Наш учитель рисования велел мне сообщить матери, чтобы она пришла к нему в ДК. Мать, явившись к нему на разговор, наотрез отказалась возмещать ущерб в размере семи рублей пятидесяти копеек, заявив педагогу, что не хрен во время занятий курить ходить, сам и виноват. Такой оборот событий учителя нашего опеча-

лил, и он выгнал меня с занятий, что уже безмерно огорчило меня. Увы, поделом вору и мука. Вскоре, может быть, с разницей в неделю, у нас в классе было собрание родителей, утром следующего дня перед занятиями Володька подошёл ко мне и сказал: «Мы больше не дружим», – было такое чувство, как будто меня ударили по лицу, я спросил: «А что случилось?» – Мама сказала, что твоя мама сказала ей, что она не хочет, чтобы мы дружили, и моя мама сказала мне, чтобы я с тобой больше не дружил», – дома я спросил у матери, зачем она это сделала. – «Классный руководитель сказала, что ты учиться стал хуже, занимаешься только тем, что тебе интересно, а по остальным предметам одни четвёрки, и в пионерскую комнату перестал ходить, всю общественную работу забросил. Я поняла, это на тебя Вовка плохо влияет. Нечего тебе в ДК ходить, время тратить, сиди дома, учи уроки. Матери Володькиной я сказала, нам надо вашу дружбу разбить, друг на друга плохо влияете».

Разрушилось полжизни: выгнали с занятий, лишился друга.

А педагог наш по рисованию хороший мужик был, отходчивый. Приклеил голову Артемиде и сказал Вовке: «Скажи корешу своему, пусть приходит на занятия, ну, разбил не убил, дело житейское». Вовка мне передал, но, увы, больше не пришлось мне туда ходить. Жаль, мир потерял великого художника.

Из тех же времён помню такой странный эпизод. Захожу в конце учебного года в школьную библиотеку, чтобы взять на лето что-нибудь почитать, и вижу, сидят наш школьный библиотекарь вместе с учительницей младших классов, перед ними две кучи учебников «Родная речь», они берут из одной пачки по учебнику, открывают его на странице с фотографией Ленина и Сталина, сидящих на скамеечке в парке, и ножницами, очень аккуратно вырезают изображение Сталина и перекладывают книжку в другую пачку. Интересно было то, что на обратной стороне был текст, и в этом тексте образовалась дырка. Я спросил: «А зачем вы это делаете?». Они посмотрели на меня молча и продолжили. Такая вот примета времени. Еще год или два нам попадали в руки эти библиотечные книги с дырками.

Есть одно воспоминание очень, очень важное для меня. Здесь сделаю маленькое отступление, скажу, что я человек неверующий в общепринятом понимании. Я не верю в чудеса, творимые высшими существами, в божий промысел. Отчего это произошло? Я родился и вырос в семье атеистов, получил естественно-научное образование. При этом я понимаю, что существует множество загадок, которые человек не может объяснить, но знаю, что мир познаваем, мы находили и будем находить ответы на вопросы, поставленные нам природой, сделав очередной шаг в нашем познании мира, открыв следующую дверь в неведомое нам, мы начинаем постигать и решать новые задачи, о которых мы не знали и не представляли, что они перед нами возникнут. Но их решение приведёт нас к очередной закрытой двери, то есть мир и непознаваем, в смысле непознаваем до конца. Но чудес в нём нет, есть непознанное, которое мы иногда считаем чудом. Кто-то называет это чудо Богом. Поэтому мы и не можем доказать его наличие или его отсутствие. Одни просто верят в сияющую истину и стоят, склонив головы, перед её сиянием, другие верят в путь, который ведёт к истине, и идут к нему, кто-то всю жизнь, кто-то делает всего несколько маленьких шагов. Я из тех, кто верит в необходимость пути, и даже пытался чуть-чуть продвинуться по этой дороге, как преуспел, не мне судить.

Но при этом считаю, что все существующие канонические религии нужны, полезны и должны присутствовать в современной жизни людей. Причин тому множество, и перечислять их не вижу смысла, мне кажется, это понятно всем. У человека верующего есть ещё одна опора, посох, помогающий ему в его пути по тонкой тропинке жизни над бездной смерти (не помню, у кого прочитал, но образ хорош), есть свет в душе. Я был бы рад, ежели бы у меня в душе тоже тлела такая лампадка, но теперь ничего уже не исправить. Тем не менее я надеюсь, что и у людей религиозно беспристрастных, то есть неверующих тоже зачастую горит в сердце свой маленький огонёк, зажжённый любовью к родителям, близким, друзьям, музыке и книгам, науке и искусству, к хорошим людям, всему живому, к природе, к памяти своих предков.

Любовью к Родине. Духовность и религиозность – это не синонимы, то есть это не одно и то же, несть числа примеров бездуховности людей, сугубо верующих, и наоборот, но это и не антонимы. Но в детстве я был юным ленинцем, воинствующим атеистом, и когда к нам приехала из деревни моя вторая бабушка, мама моей мамы баба Маша, я стал рьяно её перевоспитывать, доказывая, что Бога нет. Ходил за ней хвостом и всё долдонил, долдонил, что Бога нет, Бога нет, допёк окончательно. Баба Маша была не шибко грамотна, но в обращении деликатна, спокойна и явно не хотела обидеть меня, недотёпу, но и оскорбить свою веру согласием со мной не могла и однажды спокойно, с каким-то участием ко мне ответила: «Ну, у вас в Москве, может, Бога и нет, а у нас в деревне Бог есть», – в голосе её было столько спокойной уверенности в своей правоте, что мне даже не пришло в голову продолжать что-то доказывать. Интересная мысль, если задуматься.

В нашем районе, до переименования он назывался Дзержинским, было много заводов. Рано утром, часов в семь, они начинали подавать гудки о начале рабочего дня. Самым громким был гудок ближайшего к нам завода «Калибр», но он не был первым, они начинались где-то вдалеке, приближались, звучали со всех сторон, сливаясь и рассыпаясь, нарастая и стихая. Тут не поспишь, минут пятнадцать они от сна отгрызали, надо было вставать в школу. Когда их отменили в классе четвёртом или пятом, я был рад, да и стало как-то спокойнее. Мама, уже когда мне было лет тридцать, рассказывала, что гудки напоминали ей о войне, один из её страхов, когда мы были совсем маленькими, был такой – вот начнётся война, а как я с вами двумя успею до метро добежать? В случае войны, а предполагалась она уже с Америкой, все станции метрополитена становились основным укрытием от атомной бомбы.

Я по природе очень влюбчивый. Был. В третьем классе мне нравилась девочка одна, звали её Наташа Фесенко. Она была красавицей и умницей, и училась на отлично, и была нормальной, общительной, живой девочкой. Но я свою влюблённость никак не проявлял, так любовался ей издали, не понимал, что и как я должен предпринять. Как-то в четвёртом или пятом классе Наташа после уроков спросила меня: «А ты где живёшь?» – «В девяносто девятом». – «А я в сто третьем, слушай, нам по пути, пошли вместе». – Была весна, мы шли вдоль трамвайных путей по узкой асфальтовой дорожке, обходя лужи, иногда на мгновение тесно прижимаясь боками, пропуская встречных прохожих, разговаривали ни о чём. Наташа как-то сбоку, искоса поглядывала на меня, как будто ожидая от меня чего-то, а я не понимал. Тогда она вдруг попросила мой портфель на секундочку, я, недоумеваю, отдал, она взяла его в левую руку и пошла с двумя портфелями в руках. Я попытался забрать, но она не возвращала, хохотала надо мной, уворачивалась, ну, не драться же мне с ней, так мы и дошли с ней до моего дома. Здесь она спросила, где мой подъезд, зашла со мной, мы стояли, и она долго не отпускала ручку моего портфеля.

На следующий день история повторилась, но портфель ей я уже не отдал. Она попыталась отобрать его у меня, мы повозились, похотали, и так она провожала меня неделю или чуть больше. А я так и не догадался взять её портфель, проводить до дома. Видно, время моё ещё не пришло. На тот момент все мои увлечения носили очень книжный характер. Я тогда читал приключенческие романы «Айвенго» Вальтера Скотта, «Последний из могикан» Фенимора Купера, их герои сражались за своих возлюбленных, спасали их из плена, но портфели их не носили. А мне не хватило мозгов проводить её, просто помочь девочке, которая мне нравилась, донести тяжеленный баул до дома.

В классе у нас были братья-двойняшки Лёшка и Витёк Корзухины, и, потеряв друга, я довольно быстро стал приятельствовать с Лёшкой. Они родились в один день, но Лёшка на одну минуту раньше и на основании этого справедливо утверждал, что у него, как у старшего брата, существуют определённые преференции. И, бывало, гнобил своего младшего брата, заставляя трудиться на себя. Витёк сопротивлялся, иногда доходило и до драки, но Лёха всегда брал верх. Забавно, но он действительно выглядел постарше, был пошире, посильнее,

лучше учился. Если случались в классе какие-то разборки, в которых Витёк огребал, он звал на помощь Лёшку, и тот, как правило, наводил порядок. Он был один из самых крепких парней в классе, сильнее был только Славка Серебрянников, с которым они оба дружили. Где-то в начале нашей дружбы я подрался с Витькой, физически он был мощнее меня, да и значительно крупнее, я был, может быть, чуть пошустрее. В детских стычках того времени проигрывал тот, кто струсил, отказался от драки, сбежал. Сцепились мы около «Калибра», рядом с каким-то сквером, огороженным невысоким металлическим заборчиком. Дело было зимой, оба были в зимних пальто, поэтому удары по корпусу практически не ощущались, а по лицу мы оба не били, наверно, не хотелось рассориться окончательно. Недалеко Лёшка играл в хоккей с теннисным мячом со Славкой, изредка кто-нибудь из них подходил и говорил: «Да заканчивайте, пошли играть», – но мы продолжали. В какой-то момент Витька прижал меня к ограде, за счёт большей массы ему это было несложно, обхватил и стал поднимать, я потерял равновесие, он перехватил поперёк, помог себе коленом и перевалил меня через забор. В этот момент подошёл Славка, увидел, что меня перекинули через забор, и от смеха сел в сугроб. Витька обессиленный стоял, счастливо празднуя победу, но рано он собрался это делать, я уже перелезал обратно. Я-то сил не тратил на перекидывание партнёра, отдохнул, пока он корячился с переброской, вдобавок обозлился, что за неспортивное поведение. Соскочив на землю с заборчика, я с разбега кинулся на Витьку, не успев сгруппироваться, он рухнул на спину, я завалился поперёк него, стараясь не дать ему вывернуться, но он и не пытался это делать, обессилили оба. Славка уже не хохотал, а как-то тонко выл от смеха, прибежал и Лёшка и, поняв, что происходит, свалился хохоча рядом со Славкой. В итоге Славка, как наш постоянный спортивный арбитр, сказал: «Ничья», – нас вытащили из снега, и мы пошли на дрожащих ногах играть все вчетвером. Ребята они были нормальные, не зловердые, приятельствуя поначалу с Лёшкой и Витькой, я подружился и со Славкой (Станиславом), мы корешили до восьмого класса. Он был парень высокий, крепкий, подвижный, занимался спортивной гимнастикой, единственный ребёнок в семье.

Жили они на втором этаже двухэтажного здания, стоящего в первой линии домов по проспекту Мира, в трёх или четырёхкомнатной квартире в пяти минутах ходу от школы. Дом их сильно отличался от рядом стоящих деревянных изб, первый этаж, насколько я помню, был кирпичным, второй, не помню точно, но, скорее, бревенчатым, в нём располагались шесть или восемь квартир и парикмахерская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.